

О нем гадала я в канун Крещенья...

ЕКАТЕРИНА ПРОВОЖАЛА 1747 ГОД СО СМЕШАННЫМИ — И РАДОСТНЫМИ, И ГРУСТНЫМИ — ЧУВСТВАМИ

Ей казалось иногда, что уходила целая эпоха, наполненная какими-то незримыми, очень личными и интимными штрихами. В далеком померанском Штеттине умер отец, принц Христиан Август. Поблизости же, в Зимнем дворце, канцлер Бестужев-Рюмин и церемониймейстер Франц Санти учинили резвую пляску на костях, состряпав целый фарс из-за ее, Фике, естественной дочерней скорби. Потом привелось расстаться с любимой горничной — острой на язык толстухой Катериной Войновой, которую убрали из великокняжеских палат тотчас после венчания с родственником Тимофея Евреинова. А ведь эта служанка совершила настоящий гражданский подвиг — рискуя собой, передала сверток с вещами сидевшему за решеткой неугомонному камер-лакею Андриюше Чернышэву...

О, КАК ВЕРНУТЬ ВАС, БЫСТРЫЕ НЕДЕЛИ?

Вспоминались, конечно, и приятные, гревшие сердце события. Например, санная поездка по хрустящему снежку в тихвинский Богородично-Успенский монастырь, где высокие гости молились перед иконой Божией Матери, написанной, по преданию, святым Лукой. Ну а летний отдых в Петергофе и Ораниенбауме — под плеск фонтанов и рокот залива? Как славно и уютно жилось в тамошних особняках и коттеджах, как вольно и благостно дышалось среди щедрой листвы парков и на величавых морских берегах! Фике с улыбкой думала о большом дипломатическом загуле шефа русской внешней политики Алексея Бестужева-Рюмина и австрийского посланника Иоганна Бреглаха. Они словно состязались в непрерывном винопитии: граф не отходил от бара, а барон — от графина...

К зиме впечатления потускнели, моцион сохранился, и Катя занялась платьями и прическами. Она часами просиживала у зеркала, отдавая голову искусным пальцам мальчика-калмыка, преуспевающего в сложном цирюльном мастерстве. Супруга престолонаследника тайне гордилась своими длинными и густыми каштановыми волосами, ниспадавшими почти до пояса. Она любила носить их свободно, открыто, не посыпая пудрой. Да вот при дворе уже укоренялась очередная парижская мода: надлежало белить локоны перед выходом на люди, и государыня придирчиво следила, чтобы светские львицы не забывали о свежих парфюмерных веяниях. Впрочем, Фике это не мешало, ибо есть женщины, о ком не грех молвить: «Во всех ты, душенька, нарядах хороша!» И лейб-медик Жан Лесток, только-только сыгравший свою свадьбу, поведал Екатерине по секрету, что шведский резидент Вольфенштерн находит ее красивой, милой и обворожительной. Нечто подобное сообщила

«И распахнулся
вечности чертог...»
Церковь
Ризоположения
в Московском
Кремле —
домовый храм
православных
митрополитов-
предстоятелей,
а затем
и патриархов.

на ушко и княжна Анна Гагарина. Царственная кокетка, ничуть не возражая против такого лестного восприятия, испытывала тем не менее легкое замешательство всякий раз, когда ей доводилось беседовать со столь опытным ценителем.

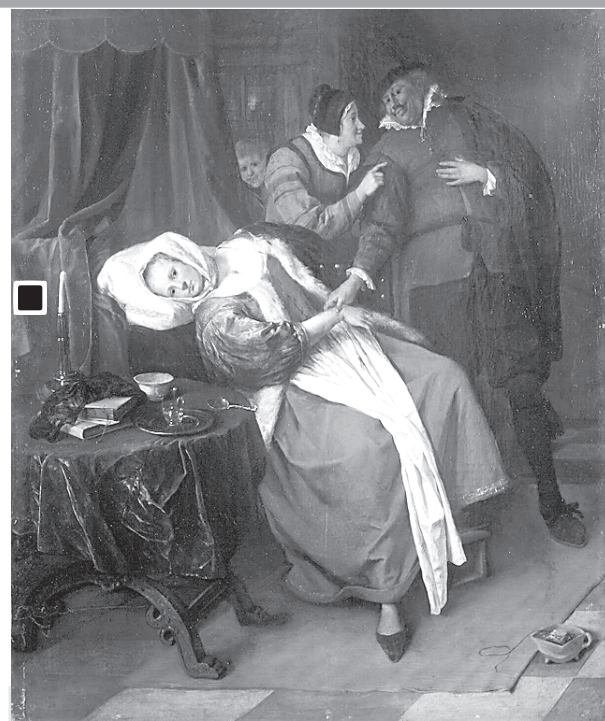
МНЕ СТАЛО СТРАШНО, СТАЛО КАК-ТО СМУТНО...

Новый, 1748 год начался для Фике с хвори. 6 января, в праздник Крещения Господня, Катя проснулась в ознобе, с больным горлом, гудящей, будто от удара, головой и покалыванием во всем теле. Она, однако, не захотела менять планы и даже оделась к обедне, желая пойти с крестным ходом на Неву для водосвятия. Но с монаршей половины поступили иные распоряжения. Елизавета Петровна почему-то не соизволила посетить торжественную службу, а заодно запретила следовать туда юной паре. Проблема, таким образом, разрешилась сама собой: Фике вернулась в свою комнату и прилегла на канапе. Позже у нее подскочила температура.

Наутро к постели подошла Мария Крузе — и в ужасе отпрянула назад. «У васшего высочества оспа! Честное слово, оспа...» Катя смертельно боялась этого грозного недуга, сведшего в могилу царя-ребенка Петра II и едва не погубившего ее мужа Петра Федоровича, который боролся с сим лютым злом под крышей неказистой крестьянской избы в тверском поселке Хотилове. Лицо престолонаследника до сих пор попорчено шрамами и рытвинами. Да и у нее, Фике, кажется, нет оснований для оптимизма: руки, шея, живот, плечи сплошь усеяны мелкими красными точками. Отчего? Граф Лесток и знаменитый Бургав-Каау были солидарно категоричны: оспа! Но придворный хирург Гюйон засомневался. Может быть, предположил эскулап, яркая сыпь имеет иную природу — допустим, вызвана корью или чем-то в этом роде. По-немецки такая напасть именуется *Rothepestel*, а в русском лекарстве — лапухой...

Правда, слава Богу, осталась за Гюйоном. Жуткий диагноз не подтвердился, и врачи определили тяжелую простуду. Прописали порошки, а кровать передвинули в теплый и удобный будуар, где в отличие от прежней спальни не гулял сквозняк и не веяло, пардон, собачьим душком. Этакое изысканное благоволение тешило великую княгиню еще с осени: дражайший супруг привез из деревни десяток породистых борзых, оглашавших хриплым залившимся лаем обширную псарню, которую цесаревич разместил по соседству, в прихожей. Отсюда чарующее амбре разносилось по дворцовым покоем, но свита и прислуга молчали набравши в рот воды.

Рядом с Катей ревностно дежурила госпожа Чоглокова. Невзирая на последнюю стадию энной беременности, Мария Симонна с солдатской четкостью исполняла свой служебный долг. Она трогательно, по-матерински заботилась об августейшей пациентке, избегала желчных упреков, подносила капли и микстуры, поправляла по-

«Ей было душно, было жарко...»
Занедавшая дама. «Большая» — картина голландского художника Яна Стена. 1660 год.

душку. Ангел во плоти! Позднее выяснилась любопытная причина такого добродейства: несправдливую гофмейстерину попросту «вели» — что называется, вслепую. Играв на ее сентиментальном бабьем настрое. Один заинтересованный вельможа...

И НЕМЦЕВ ВО ВСЕ НЕ ЛЮБЯ...

Постоянное присутствие Марии Симонны не отвлекало Фике ни от стремления поскорее встать на ноги, ни от привычной тяги к историческим розыскам. Смежив ресницы, принцесса мысленно ухлынула в иные, легендарные времена.

...В марте 1690-го, спустя месяц после рождения царевича Алексея, скончался престарелый, 70 лет от роду, церковный предстоятель Иоаким — милостию Божиею патриарх царствующего великого града Москвы и всея Руси. Сей некогда храбрый ратник (в миру — Иван Савёлов) происходил из Можайских дворян, отличился в государевых войсках, а потом пошел к Богу, к Церкви, к иноческой келье. Жесткий, волевой нрав вознес его на самый верх клирической иерархии. Он сблизился с самодержцами — Алексеем Михайловичем, Феодором Алексеевичем да и с юным Петром, коего твердо, по своим соображениям, поддержал в разгар стычек с сестрицей Софьей. Но не все удовлетворяло святейшего в поступках московских венценосцев — строителей Земли Русской.

Предсмертное завещание пылало искренней страстью. Владыка требовал напроць запретить русским людям общаться с еретиками-иноверцами, которые говорят на непонятных языках и — кошмар! — «аки скоты», едят траву, нарекая оную салатом. (Катя усмехнулась: Иоаким запомнил, что сельские мужики балуют себя петрушкой, укропом, щавелем, капустой, а по весне варят щи из молодой крапивы, считая их сытным и вкусным блюдом. Зачем же ругать родной этой зелени безобидный салат?) Однако патриарха не волновали логические увязки.

Не доверяйте, гремел пастырь, высших должностей проклятым чужакам, ибо в полках они не пользу приносят, а гnevят Всевышнего. Просили ведь князя Василия Голицына не брать иноземных офицеров в оба Крымских похода, да в Кремле не слушали голос Церкви. Вот и провалились важные схватки, а райский уголок, как и встарь, принадлежит богостудным бусурманским ханам. И не случайно! Когда православные молятся — еретики спят. Когда зывают к Богородице и ангелам — смеются. Когда постятся — окаянные чревоугодничают. Волки над агнцами! «Опять напоминаю: чтоб иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить...» Фике вздохнула: водворись эти нормы на исходе XVII столетия, она, София Фредерика, не почивала бы сейчас на диване под сводами Зимнего дворца...

«И прямо с майнских берегов — в Москву...»
Приезд иностранцев в русскую столицу.
Художник Сергей Иванов.
1901 год.